

Легенды земли сибирской

12.07.2011

[Восточно-Сибирская правда](#)

Иркутск

76 "76"

Фрагменты из будущей книги журналиста Владимира Ходия

Иркутский журналист, корреспондент федерального информационного агентства ИТАР-ТАСС Владимир Ходий готовит к изданию книгу, в которую войдут очерки, интервью, репортажи, написанные в разные годы и увидевшие свет в различных изданиях, в том числе в "Восточно-Сибирской правде". Предлагаем вниманию его триптих, впервые опубликованный в нашей газете в 1970 году на полосе "Иркутск и иркутяне" под рубрикой "Галерея знаменитых".

Иркутске первопроходца всегда почитали

Ермак: "И по смерти нашей слава о нас не оскудеет..."

Это бесспорно, что струги Ермака до ангарских плёсов не доплыли. Но во всех городах от Урала до Камчатки надобно воздвигнуть памятники смелому сыну великого племени россов, первым вступившему на стужёную землю сибирскую.

Когда без малого четыреста лет тому назад Ермак с товарищами перевалили через Уральский хребет, их взору предстала необозримая и таинственная страна, где полудикие племена тобольских татар, угров, башкир, ханты, манси находились под гнётом жестокого и хитрого потомка Чингиз-Хана - Кучума.

Летописцы свидетельствуют, что перед тем как выступить в поход, сибирские первопроходцы "сотворили молитву". Неоднозначен лишь ответ на вопрос: что привело их к молитве, позвало в неведомые края?

В биографии Ермака до сих пор много неясных и противоречивых мест. Утверждают, что с юношеских лет был он боек, силён и речист. Настоящее имя его якобы Василий Тимофеевич Аленин-Повольский. Ермаком нарекли, когда по Каме и Волге бурлачил на стругах - так артельный таган в старину называли, а Ермак был в артели кашеваром.

Прозвище осталось на всю жизнь. Даже когда работа на стругах наскучила и Тимофеевич, собрав отряд молодцев, начал разбойничать на нижней Волге.

Вскоре, однако, слух о дерзких выходках казаков дошёл до царя. Рассвирепел владыка и назначил вольному атаману высшую меру позора. Ермак услышал недобрую весть и перебрался к товарищам в Каму - в места, где провёл молодые годы, в места, которые считаются его родиной.

Может быть, ещё в разбойничьем стане думал он о Сибири, о том, что хан Кучум дани русскому царю не платит, куражится, и что копь татары приходят к нам из Сибири, почему бы нам туда не пойти? И пусть захотелось ему попытать счастья в далёких землях, пусть он хотел искупить вину перед царём, пусть задумал употребить силы на более полезное дело - в любом случае поход Ермака сыграл прогрессивную роль, освоение русскими Сибири было положено не правительственными легионами, а народной

дружиной - волжскими и донскими, в сам атаман казачьей вольницы проявил при этом качества пронзительного, твёрдого и волевого полководца. Оценку его деятельности дала история. "Последний монгольский царь Кучум", писал Карл Маркс, "был разбит Ермаком", и этим "была заложена основа азиатской России". Белинский называл это "подвигом Ермака". А в избах сибирских крестьян много поколений на месте иконы висел портрет "князя-атамана".

...Он шёл той дорогой, по которой мчатся казакамитеперь в Сибирь электрические поезда и высоко в небе парят на автопилотах серебристые птицы (по самым преувеличенным данным, дружина Ермака могла бы разместиться в 16 самолётах ТУ-104). Без карт, без проводников, ориентируясь по Солнцу, берегам рек, подчас "волчьёю дорогою, нартами и лыжи на оленях" шли в неведомый край истинные первопроходцы. Любого, кто противился этому, они оттесняли оружием или ласкою.

Отряд Ермака мог пойти дальше Иртыша, но, кроме Кучума, у него был другой, не менее опасный супостат - безбрежные сибирские просторы. Смельчаки шли до тех пор, пока не увидели голые степи и болота Приобья.

Ермак пал жертвой случая, а точнее, собственного благодушия. В одной из вылазок он с небольшим отрядом заночевал на острове. Понадеялся, что врага близко нет да и река глубока, уснул, не поставив караула. А когда открыл глаза, было поздно. Раненный в рукопашной схватке, вожак всё же пробился к берегу. Спрыгнул в струг - неудачно. Хотел доплыть до него - стал тонуть. Тяжёлыми оказались два панциря - подарок за "царство Сибирское"...

Это случилось в ночь на 6 августа 1585 года.

Ермак погиб, но в брешь, пробитую им, волной хлынули русские. В самом древнем городе на востоке страны - Тобольске они поставили памятник и написали: "Покорителю Сибири, Ермаку".

И в Иркутске его не забыли. С обелиска первопроходцам*, что стоит у берега Ангары, он взирает на места, до которых струги его дойти не успели, но в которых помнят его и считают своим вечножителем.

Яков Похабов: "Тут место самое лучшее:"

Первые русские в современных границах Иркутской области появились спустя сорок лет после гибели Ермака. В 1625-1627 годах атаманы Василий Тюменец и Максим Перфильев во главе небольших - до сорока человек - отрядов "ходили" из Енисейска вверх по Ангаре с поручением собрать ясак и "про новые землицы проведать".

Потребовалось затем ещё три года, чтобы основать Илимский острог и Никольский погост (Киренск), четыре года - Братский и Усть-Кутский остроги, 14 лет - Верхоленский, 21 год - Удинский (Нижеудинский), 27 лет - Балаганский. И только в 1661 году был поставлен острог, которому судьба уготовила славу самого великого в сонме острогов - городов Восточной Сибири.

На нынешнем месте Иркутск заложен отрядом казаков, предводимых Яковом (Якунькой) Похабовым. Последнего не следует путать с другим знаменитым первопроходцем Восточной Сибири, Иваном Похабовым - это разные люди и только однофамильцы.

Яков Похабов пришёл на иркутскую землю в 1647 году в составе экспедиции атамана Ивана Галкина, которой было наказано описать места вокруг Байкала и "золотых и серебряных искать жил".

Был Похабов из простого люда, смелым и предприимчивым воином. Он ясно понимал задачи русского государства и все свои силы отдавал на его благо - бороздил на стругах сибирские реки, преодолевал многочисленные ангарские пороги, вдоль и поперёк пересекал Байкал, отыскивая и присоединяя к России новые земли. Он пришёл сюда "енисейского острога пятидесятником казачьим", а ушёл сыном боярским, первостроителем города, сыгравшего важную роль в последующей истории его родины.

По прибытии на Байкал Галкин отрядил Якова Похабова на северо-восточное побережье - "Буженей озеро" (по-современному - озеро Бусани). Оттуда рукой подать до Витима. Пятьдесят русских казаков шли по земле, богатой золотом, но о золоте тогда не знал никто, даже испокон веков жившие здесь тунгусы. Зато владели местные племена талантом добывать ценный эквивалент золота - пушной мех. И Похабов, обложив их ясаком, государству "учинил прибыль большую".

Шли годы. Далеко на восток и на север устремились русские землепроходцы. И только в верхнем течении Ангары - в тылу продвигавшихся в глубь Сибири отрядов - оставался своеобразный вакуум. Возмущённые свирепостью однофамильца Якова Ивановича - сына боярского Ивана Похабова, "братские люди" (буряты) отказались платить ясак, подняли бунт и по Иркуту стали откочёвывать в Монголию.

Летом 1660 года енисейский воевода Иван Ржевский послал в "братские" остроги для восстановления спокойствия другого сына боярского и другого Похабова - Якова. Экспедиция дошла до места впадения Иркута в Ангару, не встретив по дороге ни души. Медлить было нельзя, и Похабов решил подняться вверх по Иркуту. В походе смельчаков застала зима - "пал снег великой, и захватили морозы лютые, и бездорожица непроходимая, и голод смертный".

Тем не менее даже в этих условиях Якову Ивановичу удалось призвать к порядку людей "князца Яндаша". В декабре к нему в Балаганск из Тункинской долины приезжал некий бурят Бакшей и "бил челом" о постройке нового острога для сбора ясака с проживавших по Иркуту его соплеменников и для защиты их от притеснений красноярских казаков. Об этой просьбе Похабов сочинил "сказку" енисейскому воеводе. В спешном порядке Ржевский выделил в состав экспедиции ещё 60 служилых людей, снабдив их сохами, серпами, семенами ржи и ячменя. Он велел Похабову идти к Иркуту и, отыскав удобное место, поставить острог.

Тем временем Яков Иванович не сидел сложа рук. Пока от воеводы шёл ответ, он отыскал место для острога. Что новое поселение должно располагаться близ впадения Иркута в Ангару, у Похабова не вызывало колебаний: отсюда открывался путь и в Монголию (по Иркуту), и в Забайкалье (по Ангаре). Но почему он выбрал позицию на правом невысоком берегу Ангары? Ответ на этот вопрос мы находим в челобитной Похабова енисейскому воеводе: "Тут место самое лучшее, угожее для пашен, и скотиной выпуск, и сенные покосы, и рыбные ловли все близко, а опроче того места острогу ставить стало негде, близ реки лесу нет, стали места степные и неугожие".

Не мечом, а серпом покоряли новые земли русские люди. Острог, о строительстве которого Яков Похабов доносил енисейскому воеводе 6 июля 1661 года, совершенно не походил на военную крепость. Это был "государев житный амбар" с башней наверху и

ещё несколько башен по сторонам, первое время даже не соединённых между собой стенами. "Слег не достаёт, лесу близко нет, лес удалён от реки", - писал первостроитель Иркутска.

К сожалению, в летописях и последующих исторических описаниях Сибири совершенно не содержится личной, даже портретной характеристики Якова Ивановича. Неясна и его дальнейшая судьба. Одно известно: в "месте самом лучшем" Похабов прожил недолго. Уже в октябре 1661 года он снова был в Енисейске...

Очевидно, чтобы стать знаменитым, достаточно совершить одно, но очень большое дело.

Иван Похабов: "И на Иркуте: поставить острог"

Наверное, нет в Сибири иного, кроме Иркутска, города, на колыбели которого были бы написаны две цифры. Триста лет иркутяне поклонялись одной из них, десять последних - другой...

"1661 года перенесено строение с Дьячего острова, против устья Иркуты, на другую сторону реки Ангары, по приказанию воеводы Ивана Ивановича Ржевского, и приведено в совершенный острог, и назван тогда Иркутском", - записано в летописи Кротова.

"В 1652 г. прибыл в Иркутск из Тобольска отправленный в Мугульскую землицу посланником сын боярский Ерофей Заболоцкий..."

В 1654 г. прибыл из Енисейска в Иркутск сотник Петр Бекетов с казаками и отправился через Байкал - море на реку Шилку..." (летопись Баснина).

"1652 год есть год основания Иркутска, которому положил начало сын боярский Иван Похабов, близ устья р. Иркуты, на Дьячем острове, в виде зимовья, для безопасности от набегов бурят. Развалины этого зимовья видны и по сие время в ямах и окладных брёвнах" (летопись Пежемского).

Итак, острог или зимовье? 1661 или 1652 год?

То, что в 1661 году в пределах нынешнего центрального - Кировского - района Иркутска был сооружён острог, подтверждается историческим памятником - хранящейся в Центральном государственном архиве древних актов СССР челобитной Якова Похабова енисейскому воеводе. Памятник явился основанием для празднования в июле 1961 года 300-летия города, время сооружения острога принято с тех пор считать официальной датой рождения Иркутска.

Документа же, прямо подтверждающего существование зимовья на острове Дьячем, до сих пор не обнаружено. Но что памятник не найден, ещё не означает его полного отсутствия. Святое дело иркутских историков - снова тщательно исследовать архивы, попытаться исправить досадное упущение своего знаменитого коллеги И.Э. Фишера, который, изучая в первой трети 18 века прошлую жизнь Сибири, написал, что Иван Похабов в 1652 году "сделал на устье Иркуты хижину для казаков, чтобы способнее собирать ясак", однако не сослался на первоисточник...

Но кто такой Иван Похабов? Не двойник ли это Якова Ивановича? И мог ли он поставить зимовье на Иркуте?

Появление в Прибайкалье сына боярского Ивана Похабова восходит к 1644 году. В то лето он был послан в Братский острог для ясачного сбора и прииска новых земель.

Вернувшись в Енисейск, Иван Похабов предложил построить ряд острогов для закрепления разведанных земель. Он говорил, что в тех местах живут "братские люди и тунгусы многие неясачные... А только де на тех реках на Осе и на Белене и на Иркуте в братской земле в братских людях и в тунгусах поставить острог...".

Ему не сиделось на месте. Через год он вторично отправился в разведанные земли. К прежней задаче прибавилась ещё одна - поиск серебряных руд. С этой целью Похабову даже было наказано "проведывать китайского государства". Из Братска его отряд поднялся до балаганских степей. Здесь, на острове в устье реки Осы, сын боярский дал команду заложить острог. Перезимовав в нём, отряд весной 1647 года снова отплыл за Байкал. Этот поход продолжался четырнадцать недель и принёс неожиданные последствия. Продвигаясь по южному берегу озера, Похабов встретил небольшую группу монголов и пленил несколько человек. Пленники оказались подданными князя Турукая. Похабов, отпустив их на свободу, сам поехал к Турукаю, чтобы завязать с ним дружбу. До этого он слышал от бурят, что серебро они покупают у монгольского хана Цецена, и потому, когда он, свидевшись с князем, узнал, что Цецен его родственник, настойчиво упрашивал дать проводников до столицы ханства Урги. Князь не устоял перед настойчивостью русского гостя. Похабов встретился с правителем Монголии, и тот подтвердил "уверение о сказанном месторождении руд". Больше того, россиянин убедил могущественного хана отправить послов в Москву. Следующим летом по Сибири на запад проследовало первое монгольское посольство:

Смелый, блестящий поход в Ургу вознёс Ивана Похабова на такой пьедестал, о котором сын боярский и не мечтал. Ему бы и дальше идти на новые земли, строить хижины, зимовья, остроги. Поначалу так оно и было. В 1652 году Похабов назначается приказчиком Баргузинского острога. Путь его снова лежал по Ангаре.

И вот тут могло произойти событие, о котором говорилось выше. Возможность основания Иркутского зимовья при походе Ивана Похабова в Забайкалье подтверждается ещё одной челобитной Якова Похабова, обнаруженной иркутским историком А.З. Багаутдиновым несколько лет тому назад в Центральном государственном архиве древних актов. "Да в прошлом, государь, во 160 (1652) году, - писал Яков, - послан был я, холоп твой, на тое же твою государеву службу на Байкал озеро с енисейским сыном боярским с Иваном Похабовым. А з Байкала озера послал меня, холопа твоего, тот Иван Похабов для твоего государства ясачного збору на Баунт озеро ..."

Это уже прямое доказательство того, что в 1652 году Иван Похабов, не двойник, не отец, не сын, не брат Якова Похабова, проходил по Ангаре, и косвенное указание на возможность постройки в устье Иркуты зимовья.

На этом созидательная деятельность Ивана Похабова в Приангарье завершилась. Братский, балаганский, а затем баргузинский управитель оставил в памяти многих поколений сибиряков не столько заслуги свои, сколько беспокойный и сердитый нрав, несправедливость и даже жестокость. В последние годы он меньше всего думал о "славе государева имени", а обижал, грабил, как тогда говорили, "воровал". Причём притеснениям подвергались не только буряты, тунгусы, но и русские поселенцы, служилые люди. Последние в 1656 году подали челобитную енисейскому воеводе. Суров был наказ воеводы - Похабова били "вместо кнута" батогами, а затем отстранили от дальних отъезжих служб. Однако ненадолго. Уже в следующем году благодаря столичным

связям, заступничеству родного брата, московского подьячего Григория, он снова назначается приказчиком Братского и Балаганского острогов...

Жить же "смирно и крепко" Похабов не стал. На этот раз возмущение пошло от "братских людей". Обиженные притеснениями, лихоимством "Багаб-хана", они не нашли ничего лучшего, как покинуть приангарские степи. О бегстве бурят в Монголию узнала Москва. Виновник бунта определен скоро и безошибочно. Иван Похабов был отправлен под караулом в Енисейск, но на Шаманском пороге он обманул бдительность приставов и сбежал в Илимский острог. Там сидел свой, независимый от Енисейска воевода. Похабов вошёл в его милость, без труда избавился от суда и наказания...

Так тихо, но бесславно закончилась деятельность возможного первооснователя Иркутска.

Однако нет худа без добра. Уход бурят и ропот служилых людей ускорили строительство острога в устье Иркута. Случилось то, о чём в лучшие свои годы мечтал да и сделал для этого немало боярский сын Иван Похабов.

* Памятник императору Александру III